

5. Ветошкин, М. Кто кощунствует / М. Ветошкин // Красный Север. – 1919. – 8 мая. – №6.
6. Молодов, О.Б. Кампания по вскрытию мощей православных святых в 1919 г. / О.Б. Молодов // История в подробностях. – 2014. – №5 (47). – С. 76-79.
7. Кулагин, А. Попы и проповеди / А. Кулагин // Красный Север. – 1919. – 20 июня. – №41.
8. Сибиряк, М. Две правды / М. Сибиряк // Деревенский коммунар. – 1919. – 7 ноября. – №101.
9. Собин, Л. Духовным отцам / Л. Собин // Красный Север. – 1919. – 5 июля. – №54.
10. Агарин. Христианство и социализм // Красный Север. – 1919. – 2 сентября. – №100.
11. Грибаедов. Пастыри стада // Красный набат. – 1919. – 4 мая. – №42 (88).
12. Шулепов, П. Еще раз про духовенство / П. Шулепов // Красный набат. – 1919. – 26 июня. – №60 (106).
13. Киселев, П. Рабоче-крестьянская власть и духовенство (Лекция тов. Христофорова) / П. Киселев // Наша война. – 1919. – 28 сентября. – №206.
14. Религия и коммунизм // Известия Вологодского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 25 января. – №18.

О НЕИЗБЕЖНОСТИ КРАХА ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ В 1917 ГОДУ

Н.С. Нижник

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Российским революциям 1917 г. и объяснениям их причин посвящено большое количество литературных произведений, от мемуаров свидетелей и участников февральских и октябрьских событий вплоть до научных работ исследователей различных государств и различных специальностей нескольких поколений. Что нового можно сказать о событиях в их столетнюю годовщину? Какие феномены, ускользнувшие от внимания исследователей, можно описывать в XXI в.? Какие причинно-следственные связи между событиями, фактами, явлениями остаются не вскрытыми до настоящего времени? Вряд ли перечень оставшегося без интереса научной общественности будет велик. Но и это обстоятельство не лишает ученого возможности изменить исследовательскую оптику и найти свой угол зрения на известные события.

Вопросами, продолжающими вызывать острые дискуссии, являются закономерность/случайность революционных преобразований в России в 1917 г. и причины краха российской монархии и олицетворявшего ее полицейского государства. Распространенные теория прогресса, теория заговора и теория случайности, использующие особенные логики объяснения событий [15, с. 16–18], не акцентируют внимание на роли правоохранительной системы государства в революционных событиях, не выявляют места полиции в политико-правовых трансформациях российского государства. Однако изучение институциональной истории полицейского государства как политико-правовой техники поддержания правопорядка может быть эвристически небесполезным для понимания практик господства в современных обществах, «замирность которых является скорее их собственным идеалом/идеологией, нежели фактической действительностью» [5, с. 14]. В сфере организации и деятельности полиции современное государство имеет дело с дискурсивным и институциональным наследием эпохи полицейского государства [7, с. 41–54]. Поэтому, по справедливому замечанию К. Вольцендорфа, именно «здесь имеет смысл порыться в почве прошлого, чтобы увидеть органиче-

ские взаимосвязи и силы, до сих пор присутствующие и в настоящем. Ведь без их полной переработки невозможно двигаться дальше, поскольку полиция являлась основной силой абсолютистского государства, а преодоление абсолютизма – не столько механический или технический процесс в государственном праве, сколько духовный, что применимо к идее полиции в гораздо большей мере, чем к какой-либо другой. А поскольку речь идет об идейных изменениях, то условием их понимания является знание их изначального содержания и сил, приведших к их изменениям. Поэтому изучение современного мышления о полицейском государстве, вариантов и тенденций его развития следует дополнить исследованием его предшествующего развития» [17, С. 4–5].

В современной российской науке оформилось самостоятельное исследовательское направление – полициеведение [11; 3, с. 44], серьезное внимание вновь обращено к изучению полицейского права [6, с. 3–20] и российской полицистики [8]. Интерес к полицейскому государству, полицейской деятельности и полиции имеет под собой объективные основания.

Полиция представляет собой структурно-функциональный элемент правоохранительной системы. Основные этапы развития правоохранительной системы российского государства сопряжены с эволюцией ее политико-правовой системы и во многом детерминированы спецификой формы государства. На протяжении всей российской истории правоохранительная система являлась наиболее действенным орудием власти и была способна эффективно разрешать самые острые социально-политические конфликты, обеспечивать выявление и уничтожение противников существующего строя. Однако оказывалась бессильной в кризисных ситуациях, требующих кардинальных политических решений [9, с. 45].

Деятельность полиции имела амбивалентный характер. С одной стороны, полиция выступала как средство поддержания повседневного порядка, регулирования общественной жизни в общих интересах безопасности и благополучия, с другой – как орудие противодействия явному или неявному неподчинению власти, как субъект, способный применить негативные санкции в случаях неповиновения воле органов государственной власти.

С учетом того, что в каждом государстве полиция используется для регулирования его внутренней жизни, любое государство условно может быть названо полицейским. В случаях, когда среди стратегий политической власти устойчивое преобладание начинает занимать принуждение, полицейское государство называется репрессивным.

В России имперского периода основной формой обеспечения порядка выступало именно принуждение. Принуждение принимало вид патерналистской власти и подобно власти отца в патриархальной семье требовало беспрекословного повиновения распоряжениям самодержавия [1, с. 8]. Обеспечение повиновения составляло одну из главных проблем самодержавной власти в России в начале XX в.

Известно, что легитимацию политических решений обеспечивают символические ресурсы, охватывающие множество культурных представлений и ситуативных ориентаций, которые могут выступать мотивом одобрения или, по меньшей мере, некритического принятия решений [13, с. 59]. Если символического уровня недостаточно для обеспечения добровольных мотивов согласия с принятыми решениями, политическая власть прибегает к силовым ресурсам. Чем в большей мере есть необходимость прибегать к силовым ресурсам, значит, все в большей степени проявляется кризис легитимности. Власть в Российской империи испытывала хронический недостаток символических ресурсов легитимации

[13, с. 59], для поддержания порядка широко использовала силовые органы (армию и полицию) и фактически установила полицейский режим, позволяющий ей принимать политические решения без должного учета интересов и потребностей общества. В имперской России значимой рассматривалась воля только одного суверена – самодержавного монарха, но и при этом самодержавная власть требовала компенсационных идеологических надстроек (в форме философии эвдемонизма [10, с. 236–242] и религиозной доктрины православия, например).

Подрыв символических оснований власти – фактор, усугубляющий кризис власти. Переживала его и Россия, красноречивым подтверждением чего являлись периодически складывающиеся революционные ситуации. Символическая саморепрезентация верховной власти Российской империи претерпела серьезные изменения: в первой четверти XVIII в. власть опиралась на философию эвдемонизма и теорию всеобщего блага [10, с. 236–240], а в XIX в. в качестве приоритетной основы избрала религиозное санкционирование неограниченного самодержавия [14, с. 120].

Когда происходит самоизоляция власти и утрата ей авторитета, для сохранения установленного правопорядка требуются укрепление полицейского государства и консервация полицейского режима. «Россия оказалась первой страной, заведшей у себя две полицейских системы – одну для защиты государства от граждан, а другую – для защиты граждан друг от друга», отмечал Р. Пайпс [12, с. 20]. Развитие российского государства осуществлялось в экспансионистской форме и находила выражение в деятельности и регулярной, и тайной полиции, компетенция которых постоянно увеличивалась [9, с. 217–218].

Верховная власть постоянно испытывала потребность в чрезвычайных мерах и не могла опираться на ранее принятые законы [4]. Не принесла существенных изменений в этом плане крестьянская реформа 1861 г., которая несла в себе мощный конфликтный потенциал, не удовлетворив ни одну из сторон. Как только угроза неограниченной суверенной власти выросла, началось сворачивание курса реформ 1860-х годов. После неудавшегося покушения на императора в 1879 г. Александр II фактически ввел чрезвычайное положение в Империи, восприняв причины политического кризиса как недостаток мер полицейского характера. После взрыва С. Халтурина в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Александр II учредил Верховную распорядительную комиссию во главе с генералом М. Т. Лорис-Меликовым, который сосредоточил в своих руках управление всей карательной системой Империи. Чрезвычайные меры свидетельствовали, что верховная власть уже не могла управлять Империей на основе обычных законов и остро нуждалась в упрочении силовых органов для поддержания государственного порядка. 1 февраля 1881 г. Александр II погиб от взрыва бомбы террористов. И Александр III взял курс, в рамках которого предполагалась реорганизация символических и силовых ресурсов политической власти. В символическом отношении ставка делалась на освящение личного авторитета царя как помазанника Божьего в противовес конституционализму как источнику законов и политических институтов. Православная церковь становилась выразительницей национальной идеи, которая противопоставляла традицию идеям просвещения и материального прогресса [14, с. 121].

Нормативной основой реорганизации силовых ресурсов самодержавия явилось «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., которое открывало широкие возможности для организации жесткого полицейского режима. Положение вводило тотальный полицейский режим на территории всей Империи и учреждало полицейский произвол как норму управления. За время действия Положения, отмечал

В. М. Гессен, в России выросло целое поколение, которое «не видало иного государственного порядка, кроме порядка чрезвычайных, исключительных по своей жестокости, полицейских мер и лишь по книгам знает об общих законах Российской Империи» [2, с. 96].

К концу 1916 г. возможности власти поддерживать порядок в обществе катастрофически уменьшились. Галопирующая инфляция и дефицит товаров повседневного потребления стали жизненными реалиями россиян. Снабжать воюющую армию стало возможным только путем полицейских рейдов и продразверстки. К началу 1917 г. у горожан сформировался единый образ врага – верховная власть и олицетворявший ее полицейский порядок. Изменения символического восприятия самодержавия создали основу для его исчезновения в феврале 1917 г.: к 28 февраля царское правительство было арестовано; участки полиции, казармы жандармских рот, городские тюрьмы были захвачены, разгромлены и сожжены. Пали внешние символы имперского режима, были сметены полицейские силы, обеспечивавшие режиму его полновластие. Полицейский порядок в столице Российской империи, а затем и на всей ее территории был уничтожен без особых усилий: уже 4 марта были ликвидированы охранные отделения, Отдельный корпус жандармов и железнодорожная полиция. Серьезного сопротивления со стороны сил прежнего режима фактически не встретилось, а перемены были восприняты так, как будто с нетерпением ожидались обществом.

Таким образом, крушение полицейского государства, сложившегося в Российской империи, в феврале 1917 г. подчинялось действию долгосрочных и краткосрочных факторов. Стратегическая уязвимость достаточно мощной правоохранительной системы Российской империи была в ее неразрывной связи с царским режимом, который не смог справиться с глубоким политическим, экономическим и социальным кризисом, что привело к коренному изменению прежней российской государственности и, соответственно, уничтожению имперской правоохранительной системы.

Не сумев сохранить и использовать в своих целях прежнюю правоохранительную систему или создать новую, Временное правительство утратило контроль за развитием обстановки в стране, что позволило большевикам без особых проблем осуществить государственный переворот и прийти к власти.

В современной науке внимание теории и практике функционирования полицейского государства и в России, и за рубежом оказалось минимизированным. Среди современных ученых проявляется исследовательская «робость» в отношении проблемных полей и общественных институтов, имеющих отношение к осуществлению государственной монополии на насилие, – вооруженных сил и прежде всего полиции [16, S. 4–12]. Причин для этого оказалось множество. Например, вера в умиротворяющий эффект прогресса, восприятие присутствия насилия в современных обществах как пережитка социальной архаики, закрепление прогрессистской идеологии, согласно которой в современных обществах место насилия все в большей мере занимают эмпатия и рациональный дискурс, позволяющие разрешать любые общественные конфликты, не прибегая к аппарату принуждения. Но до сих пор на политической карте мира нет ни одного государства, которое смогло бы организовать свою жизнь без принуждения.

Источники и литература

1. Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОСПЭН, 1997.
2. Гессен, В. М. Исключительное положение. – СПб., 1908.

3. Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 43–54.
4. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. – М.: Издательство Московского университета, 1964.
5. Кильдюшов, О. В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 9–40.
6. Нижник, Н. С. Российская полицистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 3–21.
7. Нижник, Н. С. Российская полицистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. – С. 41–55.
8. Нижник, Н. С. Российская полицистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 764–786.
9. Нижник, Н. С., Ахмедов, Ч. Н. Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ. – СПб.: Астерион, 2008.
10. Нижник, Н. С., Дергилева, С. Ю., Геворкян, Д. С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (63). – С. 236–242.
11. Овченко, Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. – М.: ИНСОФТ, 2010.
12. Пайпс, Р. Три «почему» русской революции / Пер. с англ. В. Е. Аллоя. – М.; СПб.: Atheneum, 1996.
13. Попов, В. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 52–95.
14. Уортман, Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. – 1990. № 2. – С. 119–128.
15. Шанин, Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. – М.: Весь Мир, 1997.
16. Stöltzing, E. Geleitwort zur Soziologie der Polizei // Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2009. – S. 4–12.
17. Wolzendorf, K. Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. – Breslau: Marcus, 1918. – S. 4–5.

БЕЛАРУСЬ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В.Ф. Гизин

Минск, Белорусский государственный университет

Революционный процесс, протекавший в Беларуси, начиная с февраля 1917 г., представлял собой региональный вариант Великой Русской революции. Под революцией следует понимать не событие, не сам факт взятия власти (восстание или переворот), а процесс коренной ломки политических, социальных, экономических и даже культурных, нравственных устоев. При этом революция не всегда означает прогресс, движение вперед. Но в любом случае общество, потрясенное революцией уже никогда не возвращается к своему изначальному состоянию.